

СНАБЖЕНИЕ ЛЬГОТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ УРАЛА ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В 1941–1945 ГОДАХ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.
(государственное соглашение 14.В37.21.0001).

Показано функционирование механизма распределения материальных благ на селе, определены привилегированные и «маргинальные» слои населения по такому критерию, как нормирование и периодичность снабжения, сформулированы принципы, которыми руководствовало государство при расстановке приоритетов в сфере потребления в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: потребительская кооперация, эвакуированные, детские дома, партийный и советский актив, семьи военнослужащих, сельская интеллигенция, рядовые пайщики сельпо.

Минуло почти семьдесят лет, но интерес ученых к периоду 1941–1945 гг. не иссякает. Его проблематика продолжает быть предметом исследования для историков и философов, социологов и экономистов. Особую когнитивную ценность указанному временному отрезку придает экстремальность ситуации, в которой оказались общество и государство, а также то, что на его протяжении имело место тесное переплетение двух всеобъемлющих моделей внутренней политики советского периода «военного коммунизма» и «НЭП». Современная обстановка в России, характеризующаяся кризисом самоидентификации, перманентными и подчас болезненными изменениями привычного жизненного уклада, по-новому актуализирует исторический опыт тех лет.

В специальной литературе административное руководство государственным сектором в годы военного лихолетья описано достаточно полно. Роль же «кооперативных предприятий» в создании оборонного потенциала и, в частности, в материально-бытовом обслуживании населения до их пор остается белым пятном историографии. В итоге внутреннее развитие и особенности функционирования предельно милитаризованного народного хозяйства СССР в 1941–1945 гг. практически не раскрыты. Между тем научный анализ уникального примера сосуществования и успешного взаимодействия различных укладов – доминирующего (государственного, вне рыночного) и «маргинального» (кооперативного, частного, рыночного) – мог бы найти применение при разработке региональных программ экономического развития Российской Федерации.

Всякая война неизбежно вызывает напряженность на потребительском рынке, возникающую вследствие милитаризации экономики, мобилизации трудящихся для участия в военных действиях и прямых разрушений, чинимых врагом. История свидетельствует, что победы добивается сторона, не только имеющая сильную армию, но и располагающая дешевой и эффективной распределительной системой, способной сочетать централизм в расходовании фондов с широкой самодетельностью масс в добывании товаров повседневного спроса. Этим требованиям идеально отвечает кооперативная организация.

В начале войны потребительской кооперации пришлось столкнуться с целым комплексом проблем, таких как убыль людей и транспорта, сокращение материальной базы, резкое уменьшение товарооборота. По сравнению с предшествующим годом, план III квартала 1941 г. Центросоюз выполнил на 65,4 %, IV квартала – на 42,1 %, а в целом деревня недополучила товаров на сумму 5,3 млрд руб.¹ На Урале общий кооперативный товарооборот, включая торговлю и общественное питание, в 1942–1945 гг. составлял от 77 до 88% довоенного уровня².

К числу факторов, осложнивших работу райпотребсоюзов, относился рост числа эвакуированных, а впоследствии и депортированных³, которые прибывали на Урал. И до войны ассортимент товаров, предлагаемый магазинами потребительских обществ, был довольно скуден. Он включал лишь самое необходимое: хлеб, овощи, сахар, соль, керосин, спички, кое-какие изделия промышлен-

ного производства. С размещением в регионе людских контингентов из западных областей (всего на Урале к январю 1943 г. было определено на жительство 1480,7 тыс. человек⁴) поддерживать даже этот минимум стало очень непросто. К тому же централизованные поступления постоянно урезались, за исключением целевых фондов, бронируемых под заготовки и снабжение партийно-советского актива. Башкирская потребкооперация в 1944 г. недополучила промышленных и продовольственных товаров на сумму 53 млн руб., причем рыбы 1235 т, сахара – 887 т.⁵

Подобные сбои наблюдались и в других зонах Урала. Удмуртпотребсоюз, например, в течение 1943–1944 гг. совершенно не располагал хлопчатобумажными и шерстяными тканями, а поставки шелка и кожаной обуви сократились наполовину. Китайский райисполком Курганской области в мае 1943 г. ставил в известность секретаря ОК ВКП (б) о том, что с самого начала войны в район не поступало мыло для продажи населению⁶.

В первую очередь старались обустроить приезжих детей. Бюро Чкаловского обкома партии 5 сентября 1941 г. рассмотрело вопрос «О размещении и бытовом обслуживании детей, эвакуированных в Чкаловскую область». Вместе с воспитателями их прибыло около 5000 человек⁷. Областное потребительское общество получило задание обеспечить бесперебойное питание ребят, их родителей и воспитателей в эвакуационных пунктах и райцентрах. Для этой цели забронировали необходимое количество крупы, риса, сахара, масла⁸. Контроль за исполнением возлагался на райкомы ВКП (б).

11 сентября 1941 г. информацию о работе с эвакуированными заслушало бюро Соль-Илецкого райкома. Оно потребовало от председателя райпотребсоюза Свотина организовать для них продажу одежды, обуви, хлеба и овощей. При станции Илецк кооператорам поручили открыть ларек⁹. Местности, где поселились вновь прибывшие, кооператоры брали под особую опеку. В сентябре 1941 г. детским эвакуированным учреждениям было отпущено 8,6 т свежемороженой рыбы, 4,1 т селедки, 2,9 т растительного масла, 17,2 т кондитерских изделий и 61,0 т муки¹⁰.

В ноябре 1941 г. коллектив Чкаловского облпотребсоюза на собрании в честь 24 годовщины Октябрьской революции взял обязательство повысить выход хлеба с каждой печи, выполнить план по вовлечению в обо-

рот продукции местной промышленности и промкооперации, а все полученные таким образом продукты и товары отдать переселенцам¹¹. Подобные мероприятия проводились в других уральских областях и автономных республиках¹². Для обеспечения эвакуированных картофелем засеивались дополнительные площади, которые обрабатывались самими приезжими. Их обеспечивали семенами и орудиями труда. Вечерами в мастерских сельпо специальные бригады изготавливали иногородним предметы обихода.

Однако некоторые руководители кооперативных организаций, ссылаясь на трудности военного времени, ввели практику необоснованного снижения норм выдачи продуктов, поступивших из централизованных фондов. Так, зачастую вместо хлеба предлагалось зерно. Не всегда курирующим органам удавалось проследить за правильным расходованием выделенных лимитов и исключить их продажу не по назначению. Тогда в высшие инстанции поступали жалобы. Одну из них в ноябре 1941 г. получил Челябинский обком ВКП (б). Эвакуированные в Мишкинский район женщины писали, что не получают мясо, колбасу, масло; у них нет теплых вещей. Председатель облпотребсоюза Шанаурин не интересовался реализацией отпущенных им же нарядов. Матери с маленькими детьми испытывали нехватку овощей, картофеля, мерзли из-за недостатка дров¹³. Аналогичное положение наблюдалось в Павловском и Сорочинском районах Чкаловской области, Верхне-Уральском, Шумихинском районах Челябинской области, Нылгинском – в УАССР¹⁴. Власти проверяли сигналы и, если они подтверждались, принимали меры к исправлению недостатков. Как правило, потребительские общества Урала обеспечивали эвакуированным соответствующий жилищный минимум (смертей от голода среди них не зафиксировано), хотя острый дефицит материальных благ являлся суровой жизненной реальностью для этой категории населения на протяжении всего военного периода¹⁵.

В особом отношении со стороны райпотребсоюзов и сельпо нуждались дома ребенка, сиротские приюты, детские интернаты. Правительство определило им специальные пайки. Ребята могли получать до 600 г масла животного в месяц, до 1200 г мясопродуктов, столько же круп и макарон, до 500 г сахара; стакан молока и 500 г хлеба ежедневно. Ино-

гда нормы увеличивались. При скудости отдельных фондов руководителям кооперации разрешалось заменять их теми продуктами, которые имелись в данный момент на складах и предназначались другим группам населения. Местные продовольственные ресурсы в первую очередь направлялись детям.

Порой случалось, что продтовары поступали в детдома несвоевременно и не полностью. В частности, это произошло в 1942 г. в Удмуртской АССР¹⁶. В июне 1943 г. вопрос о снабжении детских учреждений стоял в повестке заседания бюро Удмуртского обкома партии. После скрупулезного подсчета выяснилось, что в течение 1942 г. и первого полугодия 1943 г. интернаты недополучили продовольствия на 3 млн руб. ОК ВКП (б) объявил заместителю председателя облпотребсоюза Кабанову строгий выговор и впредь воспретил тратить продукты из фондов децентрализованных заготовок до тех пор, пока не будут полностью обеспечены дети¹⁷.

Время от времени по распоряжению властей детдомам дополнительно передавались колбаса, мясо, хлеб, вермишель. Так, в феврале 1942 г. Звериноголовский райком партии (Челябинская обл.) обязал райпотребсоюз выдать детскому дому № 3 сверх нормы 38 кг мясных изделий, 1,5 ц пшеницы, 52 кг макарон¹⁸. У детских учреждений не всегда были в наличии средства, чтобы оплатить поставки, но когда под угрозой находилось здоровье ребят, чьи отцы сражались и гибли на фронте, материальные соображения отступали на второй план.

В апреле 1942 г. уральцы подхватили инициативу Сталинградского облпотребсоюза по организации столовых для дошкольников. Детские пункты питания были открыты во многих селах региона. Не только по обязанности, но и по велению души заботились кооператоры о маленьких гражданах. Газеты военных лет полны примерами великодушия. В 1944 г. Абдуллинское сельпо (Чкаловская обл.) из фонда культурно-бытовых мероприятий на оборудование детских площадок и яслей выделило 53 тыс. руб.¹⁹ В начале 1945 г. в селе Сосновском Ольховского района (Курганская обл.) открылся межколхозный санаторий для малышей на 20 мест. Райпотребсоюз бесплатно отпустил ему шерсть для спальных мешков, посуду, хозяйинвентарь²⁰. Но обустроить каждый уют кооператорам было, конечно, не под силу. В Вавожском детском доме (УАССР) все годы

войны отсутствовало постельное белье, а в Булзинском (Челябинская обл.) – на 82 ребенка приходилось 10 мисок, сделанных из консервных банок. Ложек не было вовсе²¹.

Многие деревенские подростки из-за недооказания и отсутствия сезонной одежды не посещали школы и не могли продолжать образование. Только по 33 районам Свердловской области в первом квартале 1944 г. бросили учиться 15750 детей²². Взрослые старались окружить детей постоянным вниманием, однако они оставались самой незащищенной и страдающей социальной группой перед лицом войны.

В первоочередном порядке, наравне с интернатами и детскими домами, требовалось обслуживать семьи фронтовиков и инвалидов Отечественной войны. Руководствуясь указаниями ГКО, ЦК ВКП (б), СНК СССР, Президиум Центросоюза в октябре 1943 г. рекомендовал потребительским кооперативам снабжать инвалидов войны исходя из месячной нормы: мясо-рыбные изделия – 2200 г, яйца – 10 шт., жиры – 600 г, сыр – 150 г, сахар – 500 г, крупа – 150 г, овощи – 5 кг, хлеб – 18 кг, мыло – 400 г, столько же соли и 200 г табака²³. Генералы и старшие офицеры, уволенные в запас по состоянию здоровья или по возрасту, с ноября 1944 г. прикреплялись к магазинам, в которых отоваривался районный совпартактив²⁴.

Председатели потребсоюзов регулярно отчитывались о работе с семьями военнослужащих. Так, 26 марта 1943 г. представитель Нижнетагильского райпотребсоюза Шпакова, выступая на пленуме РК ВКП (б), сообщила, что семьи фронтовиков, проживающие в районе, за 2 декады марта получили 387 кубометров дров, 280 кг овощей. Им раздали 22 пары валенок, 34 пары детской обуви. В порядке контрактации профсоюз закупил 50 козлят, которые переданы семьям, оставшимся без кормильцев. Женсовет из числа сотрудников потребительского общества дважды в месяц проводил с членами семей военнослужащих беседы, лекции, доклады²⁵.

Практически в каждом кооперативе были образованы комиссии по обследованию наиболее нуждающихся. Именно их в первую очередь устраивали на работу в потребительскую кооперацию, помогали в ремонте квартир, в уборке урожая на подсобном хозяйстве. Для них проводили воскресники, организовывали благотворительные обеды. Работники Башкирского республиканского потребсоюза на собрании 28 апреля 1942 г.

решили, что будут систематически заслушивать начальников отделов, директоров баз по вопросу о содействии семьям фронтовиков²⁶.

Кооператоры старались оказывать адресную помощь. Когда в Молотовский союз потребителей пришло письмо от командования одной из воинских частей, в котором говорилось о бедственном положении семьи красноармейца Третьякова, люди собрались, чтобы обсудить неотложные меры помощи этой семье, а также проверить бытовые условия остальных²⁷.

Но не везде инвалиды и престарелые встречали сочувствие и поддержку со стороны кооперативных работников. Увечные и пенсионеры из деревни Верхняя Синячиха Алапаевского района (Свердловская обл.) в марте 1942 г. в своем письме председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину жаловались на отсутствие в лавках сельпо картошки и хлеба, крупы и соли. Они писали, что умирают медленной голодной смертью. При государственной пенсии в 30 руб. и пайке в 400 г хлеба это не было преувеличением. «Царский произвол бледнеет перед советским произволом», – такими словами заканчивалось послание²⁸. Старики верили, что «всесоюзный староста» не оставит их в беде.

Определенную поддержку старался оказывать профсоюз работников потребкооперации. Он трудоустроивал жен военных после прохождения ими курсов продавцов и бухгалтеров, определял малышей в ясли и детдома, обеспечивал учеников школьными принадлежностями. Удмуртский обком профсоюза в 1944 г. из своих средств назначил семьям погибших и инвалидам 25 пособий; на профвзносы содержался лагерь отдыха для детей фронтовиков в селе Гольяны²⁹. Родным и близким тех, кто сражался с врагом, предоставлялись льготы на приобретение товаров в кооперативных лавках. Они не удовлетворяли всех нужд, но это вовсе не умаляет их значения.

Заметно хуже по сравнению с детскими учреждениями, инвалидами и семьями фронтовиков снабжалась сельская интеллигенция. Если в 1941 и начале 1942 г. ее положение было еще терпимым, так как фонды на сахар, спички, соль, чай, керосин доводились до учителей полностью или почти полностью, не было проблем с валенками, иногда продавали трикотаж и хлопчатобумажную ткань, то со 2 квартала 1942 г. все названные товары перешли в разряд остродефицитных. В 1 квартале 1943 г. сельская интеллигенция через сель-

по могла купить чуть больше 300 г сахара в месяц, 33 г чая, 400 г мыла, 3 коробки спичек и от 0,7 до 1,3 л керосина³⁰. Стали наблюдаться перебои с хлебом, его часто заменяли мукой, зерном, а то и просто мятым овсом. Порой в школу на занятия преподаватели ходили в сермягах и лаптях, к урокам готовились при свете коптилки или топящейся печи, а некоторые из них были вынуждены подрабатывать за продукты в подсобных хозяйствах колхозников³¹.

Во второй половине 1943 г. СНК СССР издал распоряжение, согласно которому Центросоюз обязывался с сентября по декабрь 1943 г. отпустить каждому учителю промтоваров на сумму 500 руб. и, сверх того, полностью отоварить им карточки на промышленные изделия³². Вслед за этим областные комитеты партии приняли постановления об улучшении материально-бытовых условий учителей. Так, Молотовский обком решил наладить для них общественное питание за счет подсобных хозяйств, не допускать срыва в торговле товарами первой необходимости и в течение августа-сентября выделить преподавателям школ области 2 тыс. пар обуви, платья и хлопчатобумажные ткани на 200 тыс. руб.³³ Постановление ОК ВКП (б) продублировали райкомы партии³⁴.

Во исполнение намеченного облпотребсоюз прикрепил учителей к столовым закрытого типа, где им предложили обеды из двух блюд. В указанные сроки педагогам продали 6778 кг сахара, 848 кг чая, 17551 кг масла, 84730 коробок спичек, 33892 кг соли, 33,5 т керосина, бесплатно выдали по 10 л молока на каждого³⁵. Одноразовые меры вряд ли могли существенно облегчить бытовые тяготы сельской интеллигенции, снабжение которой являлось нерегулярным. Ее рацион и гардероб в период войны сильно обеднели, а социальный статус упал. Учителя Благовещенского района БАССР сообщали родным, что «у них обеспечиваются те, кто хоть сколько-нибудь имеет власть»³⁶.

Таким образом, изложенный в статье материал позволяет говорить о дифференцированном подходе властей к решению задачи снабжения граждан, проживавших или оказавшихся в годы войны в сельской местности. Поскольку там отсутствовала государственная розничная торговая сеть, то в качестве инструмента распределения а, отчасти, и производства некоторых материальных благ (например, продуктов питания в подсобных хозяйствах или бытовой утвари в общих ма-

стерских) использовалась потребительская кооперация. В приоритетном порядке товары и продовольствие по утвержденным нормам через сельпо и райпотребсоюзы получали воспитанники детских домов, работники партийных и советских органов, семьи военнослужащих и уволенные в запас по ранению. Это те категории населения, которые, с точки зрения властей, обладали высокой социальной значимостью, поскольку олицетворяли собой будущее страны, силу и авторитет правящего режима или приносили жертвы ради его защиты. Эвакуированные, сельская интеллигенция и рядовые пайщики сельпо, включая пенсионеров и инвалидов, обеспечивались по остаточному принципу и находились порой на грани физического выживания. По-видимому, такой «функциональный» подход был оправдан, являясь следствием неизбежного стремления государства в условиях тотальной войны поставить под жесточайший контроль всю сферу потребления.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 484. Оп. 8. Д. 1053. Л. 1,2.
- ² РГАЭ. Ф. 484. Оп. 4. Д. 2667. Л. 38, 39.
- ³ В БАССР в 1944 г. разместили 5727 болгар, армян и греков из Крыма. Муку и картофель им выдавали в кооперации бесплатно, взамен принятых от них по прежнему месту жительства продуктов и скота, за счет уменьшения рыночных фондов, предназначенных коренному населению. См.: Бугай, Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 141; Башкирия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Уфа, 1995. С. 356, 357.
- ⁴ Зорина, Р. Ф. Решение партий проблемы размещения на Урале эвакуированных предприятий и населения в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941–1942 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1985. С. 18.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 108. Л. 101, 102.
- ⁶ Палецких, Н. П. Социальная политика на Урале ... С. 92.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 8. Л. 121.
- ⁸ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее – ЦДНННО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 52. Л. 25–26.
- ⁹ ЦДНННО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 360. Л. 145, 146.
- ¹⁰ ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 76. Л. 54.

- ¹¹ ЦДНННО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 31. Л. 44.
- ¹² Документы мужества и героизма: БАССР в период Великой Отечественной войны. Уфа, 1980. С. 168, 170; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 1359. Оп. 1. Д. 604. Л. 80, 81; Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений пермской области (далее – ГАНИОПДПО). Ф. 105. Оп. 8. Д. 36. Л. 78–80.
- ¹³ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 4. Д. 109. Л. 4,3.
- ¹⁴ ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 9. Л. 52–54; ЦДНННУР. Ф. 16. Оп. 22. Д. 11. Л. 14; ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 1. Д. 765. Л. 2.
- ¹⁵ Потемкина, М. Н. Эвакуация населения в Уральский регион // Урал в стратегии Второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2000. С. 159.
- ¹⁶ Поломский, Н. А. Забота трудящихся Удмуртской АССР о детях, оставшихся без родителей в годы войны // Удмуртская АССР – фронт. Ижевск, 1988. С. 118.
- ¹⁷ ЦДНННУР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 508. Л. 4, 5.
- ¹⁸ ГАОПДКО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 81. Л. 174.
- ¹⁹ Чкаловская коммуна. 1944. 22 авг.
- ²⁰ Красный Курган. 1945. 21 марта.
- ²¹ Корнилов, Г. Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 74–75.
- ²² Вылцан, М. А. Крестьянство России в годы Большой войны 1941–1945. Пиррова победа. М., 1995. С. 32.
- ²³ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 8. Д. 1059. Л. 100.
- ²⁴ ЦДООСО. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 365. Л. 4,5.
- ²⁵ ЦДООСО. Ф. 1718. Оп. 2. Д. 43. Л. 8.
- ²⁶ ЦГАООРБ. Ф. 801. Оп. 2. Д. 43. Л. 8.
- ²⁷ ГАНИОПДПО. Ф. 4932. Оп. 1. Д. 5. Л. 25,26.
- ²⁸ Кожурин, В. С. Народ и власть. 1941–1945. Новые документы. М. 1995. С. 50.
- ²⁹ ЦГАУР. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 1. Л. 6,7.
- ³⁰ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 8. Д. 1059. Л. 1.
- ³¹ Своего хозяйства учителям не полагалось, как не членам сельхозартели.
- ³² РГАЭ. Ф. 484. Оп. 8. Д. 1058. Л. 1.
- ³³ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 37. Л. 14,15.
- ³⁴ См.: Бюро Осинского РК ВКП (б) от 17 сентября 1943 г. ГАНИОПДПО. Ф. 77. Оп. 36. Д. 34. Л. 87.
- ³⁵ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 17. Д. 15. Л. 158.
- ³⁶ Аюпов, Р. С. Республика Башкортостан в годы войны. Новые факты и их осмысление. Уфа, 1993. С. 41.